

ЗДЕНЬКА ВЫХОДИЛОВА

Česká republika, Olomouc

**ФУНКЦИИ ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ТЕРМИНОВ
В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
(В РУССКО-ЧЕШСКОМ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ)**

ABSTRACT:

The function of language and problems of equivalence of terms in the field of social work (in Russian-Czech comparative perspective)

The main aim of this article is to highlight the strong pragmalinguistic potential of language as a means of communication in social work and the potential problems of Czech-Russian translation of terminology in this field.

Using the material of Russian-Czech terminological equivalents covering the semantic field of “social work”, the author attempts, on the one hand, to illustrate some functions of language in the field under study, on the other hand, to point out a certain interlingual asymmetry in the terminological apparatus of Russian and Czech languages. Last but not least, the author focuses on the growing tendency towards the observance of the ethical principles and correctness of expression in the studied area.

KEY WORDS:

Social work – term – terminology – language functions – functional equivalent – pragmalinguistics – ethical principle – interlingual asymmetry – development of language – extralinguistic factors – people with disabilities – homeless people.

1. Вводные замечания

Исходным тезисом нашей статьи является мысль о том, что язык является эффективным инструментом формирования взглядов как отдель-

ных лиц, так и всего общества, что язык может влиять на поведение его носителей, на общественно-политическую атмосферу в данном обществе. Причем следует иметь в виду, что процесс этого влияния носит двусторонний, взаимный характер: вторую, не менее важную сторону этого двустороннего процесса представляет влияние экстралингвистических факторов на изменения в языке. Язык, с одной стороны, отображает реальность, но с другой и формирует ее.

Взаимовлияние языка и общества мы продемонстрируем на выбранном материале развития терминологии из области социальной работы в русско-чешском сопоставительном плане. Мотивацией выбора терминологии социальной работы была, с одной стороны, личная заинтересованность автора статьи в этой теме, с другой стороны – чрезвычайно сильный прагмалингвистический потенциал языка как средства коммуникации в данной области. Последнее предоставляет хорошую возможность тесно связать теоретические выкладки с конкретным языковым материалом и применить функционально-прагматический подход к описываемым явлениям.

Материал для иллюстраций мы собирали в течение многолетней педагогической деятельности в области социальной работы, это значит, что выбор терминов имеет относительно субъективный характер и статья не претендует на комплексное описание всей исследуемой проблематики. Приводимый нами языковой материал имеет лишь иллюстративный характер, он должен показать общие тенденции развития терминологии в данной области (главным детерминирующим фактором является ограниченный размер статьи).

1.1 Исторические примечания

Специальность «социальная работа» имеет свои корни в англосаксонской общественно-культурной среде, вследствие чего много важных терминов как в русском, так и в чешском языке было заимствовано именно из английского языка или вдохновлено им.

Социальная работа после окончания Второй мировой войны в 1945 г. стала развиваться в Чехословацкой Республике под сильным влиянием изменений в развитых западноевропейских странах. Это перспективное развитие было прервано в 1948 г., когда плюралистическая система была заменена подчинением советской системе, и социальной работе практически не уделялось внимания. Шестидесятые годы двадцатого века принесли либерализацию, и с семидесятых годов социальная работа как научная дисциплина снова стала развиваться. После 1989 года одним из приоритетов дисциплины стало возобновление высшего об-

разования в этой области. Одновременно этот период принес ряд новых явлений и проблем, на которые должен был реагировать язык – в первую очередь на уровне терминологической лексики.

В Российской Федерации социальная работа как профессия появилась в 1991 г., когда в соответствии с решением № 92 Государственного комитета по труду и социальным вопросам в перечне профессий появились новые специальности – социальный работник, социальный педагог и специалист по социальной работе.

2. Функции языка в социальной работе

«Язык – это инструмент, с помощью которого сотрудники и клиенты создают общее поле значений, находят интерпретации прошлых событий, планируют будущее и, что не менее важно, согласовывают распределение власти в своих отношениях» [Matoušek 2016: 82, перевод З. В.].

2.1 Язык как инструмент политики и власти

Анализу аспектов языка, связанных с властью, лингвисты последовательно уделяют достаточное внимание уже много лет. Данные аспекты исследуются преимущественно на материале языка политики. Но принадлежность к любой профессии (в том числе и к профессии социального работника), которая обладает властью, может подталкивать к злоупотреблению языком в реализации целей властей.

Белорусский специалист по лингвокультурологии и теории коммуникации И. Э. Федотова приводит шесть словесных «инструментов социальной власти», имеющих в распоряжении отправителя информации, а именно: выбор слов и выражений; создание новых слов и выражений; выбор грамматической формы; выбор последовательности предоставления информации; использование интонации, тональности; общий контекст. [Федотова 2008: 404]. Особое внимание автор уделяет использованию метафоры как известнейшего приема языковой манипуляции в социальной области (*война с бедностью; процесс пошел; корабль реформ, эпидемия преступности; болезнь общества* и т.п.).

Социальному работнику также даны полномочия, благодаря которым он может контролировать жизнь других людей и влиять на нее, имея поддержку силовых структур государства. Уже сами взаимные отношения социального работника или работника в области социальных услуг и клиента в определенной степени детерминируют средства коммуникации. Позиция превосходства может легко привести к демонстрации атрибутов власти даже на вербальном уровне – будь это способ

обращения к клиенту (*бабуля, Людмила Ивановна,...; dědo, babi, pane Nováku, pane profesore*) или, возможно, намеренное использование непонятных технических терминов в общении с клиентом (*Babi, zařídíme pro vašeho manžela respitní pobyt, ať si trochu odpočine.*). Напротив, целенаправленное внимание к силовым аспектам языкового и неязыкового общения может стать для социальных работников эффективным инструментом саморефлексии и самоконтроля.

2.2 Язык как инструмент бюрократии

Язык бюрократии – это язык заявлений, проектов, итоговых отчетов и т.д. Риск использования языка как бюрократического инструмента заключается в том, что он резко меняет образ мышления, пытается свести сложные проблемы к проблемам логистического характера, лишает цели идеалов и ведет к поиску путей наименьшего сопротивления. Фактические и этические аргументы уступают место экономическим аргументам. То, как язык бюрократии влияет на практику социальной работы, представляет собой деформацию и угрозу в том смысле, что дух социальной работы будет незаметно заменен хорошо функционирующей логистической машиной.

Акроним *бомж* – феномен русской социальной терминологии

В качестве репрезентанта бюрократического термина в социальной области можно привести русский термин «лицо без определенного места жительства» (БОМЖ). Среди исследователей бродяжничества как социального феномена преобладает мнение, что аббревиатура *БОМЖ* впервые появилась в милицейских протоколах 60-х годов XX века и вскоре вошла в активную речь. Но автор статьи *Об истории слова бомж*, напечатанной в журнале «Русская речь», А. В. Буланников, относит хронологически первое употребление этой аббревиатуры уже к 1920 году, то есть появление этого слова в русском языке связано с бюрократическим аппаратом уже первого десятилетия существования советского государства. Ср. запись в Книге памяти Пермской области: «*Риттих Эрвин-Иоанес Николаевич; 1888 г.р.; м.р.: Велло, Перновский уезд, Лифляндская губ., немец; образование <...> БОМЖ; арестован 01.10.1920*» [Буланников 2019: 22].

Активнее аббревиатура *БОМЖ* стала употребляться во времена сталинских репрессий во второй половине 1930-х годов. Так обозначали человека, если не знали его точного адреса при аресте, или когда человека арестовывали вне дома. Эта аббревиатура стала профессиона-

лизмом, таким же, как сокращение *БОЗ* – без определенных занятий, приводимое в протоколе допроса в разделе «Работа».

Как приводит Буланников, с 1951 по 1967 г. слово *БОМЖ* перестает употребляться в следственных делах, в письменном виде оно не задокументировано. Только в 1968 г. оно появляется в газете «Ленинградская правда» и пишется строчными буквами. В начале 1970-х аббревиатура начинает употребляться как милицейский профессионализм (с ударением на первом слоге: *бóмжем* [см. Буланников 2019: 24]). По свидетельству того же автора, *бомж* как полноценное слово начинает употребляться в устной речи, в том числе и в художественной литературе, в начале 1980-х годов, оно становится одним из первых неологизмов эпохи 1990-х.

Итак, надо различать 1) *БОМЖ* как аббревиатуру протокола милиции с узкой сочетаемостью, бюрократическое «лицо без определенного места жительства», в дальнейшем превратившееся в 2) *бомж* как разговорное слово, используемое в российской публицистике и бытовой речи.

В массовой бытовой речи акроним *бомж* для обозначения людей, не имеющих определенного места жительства, живущих в бедности на улице, имеет очень сильный эмоциональный оттенок значения «спившийся, опустившийся, асоциальный, грязный, плохо пахнущий» и т.д. Он связан с советским и главным образом постсоветским периодом истории. До революции для обозначения этого социального явления использовались выражения типа *бродяга, босяк, клошар, бездомный*. Слово *бомж* часто употребляется в функции ругательства и оскорбления, а произносится, как правило, с презрительной интонацией. С течением времени слово обогащается переносными значениями (*бомж-пакет* – дешёвая еда быстрого приготовления в упаковке на одну порцию, *интернет-бомж, кибер-бомж* – онлайн-версия попрошайничества, *скинуть бомжа/бомжика* – послать бесплатное СМС-сообщение с просьбой перезвонить и др.), экспрессивной стилистикой, а также многочисленными дериватами.

2.3 Этические аспекты терминологии социальной работы; язык как средство воспитания корректности

Вопросы «политической корректности» в последние годы становятся актуальными во многих сферах жизни общества, в частности, в отношении к уязвимым группам людей; пересмотру с точки зрения этики нередко подвергаются и многие термины из социальной области.

В процессе переименования длинную номинативную цепь образовали обозначения лиц с каким-то видом ограничения здоровья. Процесс переименования можно наблюдать во многих языках, в том числе и в английском, который для многих языков является в этой области исходным, ср., напр.: англ. *blind – visually impaired – people with visual impairment / sight loss*; рус. *слепые – незрячие – лица с ограничением зрения*; чеш. *slepí – nevidomí – zrakově postižení lidé – lidé se zrakovým postižením / ztrátou zraku* и т.п.

Замены более этичным термином затрагивают не только названия представителей конкретных, узко специфицированных групп населения, но касаются и более общих терминов типа *инвалиды*.

Международный термин *инвалид* был заимствован из французского языка, в котором в *invalide* восходит к латинскому *invalidus* – «бессильный». В настоящее время этот термин во многих языках ощущается как грубый и старомодный. Например, в английском языке он был заменен сочетаниями *people with disabilities* (люди с ограниченными возможностями) или *people with special needs* (люди с особыми потребностями).

В русском языке в последние годы все чаще употребляются такие выражения, как: *человек с ограниченными возможностями*, *человек с ограничением здоровья*, *человек с инвалидностью*. По той же модели образуются наименования *человек с аутизмом*, (а не *аутист*), *человек, использующий коляску* (а не *колясочник*), *человек с ампутацией*, *человек с онкологией* и так далее.

В конвенции ООН употребляется термин *person with disability*, дословный перевод *человек с инвалидностью*, т.е. в первую очередь – человек, а уже потом его особенность, болезнь.

Общественная дискуссия в РФ относительно этичности термина *инвалид* достигла кульминации в 2018 г. предложением отказаться от этого термина в российском законодательстве. Но Министерство труда и социальной защиты России официально отвергло это предложение, ссылаясь на рекомендации Комитета ООН по правам инвалидов. Проблема подходящего термина осталась нерешенной. Сами люди с ограничением здоровья термин *инвалид* тоже не приветствуют.

В чешском языке корректным считаются термины *zdravotně postižený člověk*, *člověk se zdravotním postižením*, причем компонент *postižení* в новейшее время подвергается этической ревизии (предлагаемая альтернатива *znevýhodnění*). Но в сочетаниях терминологического характера типа *invalidní důchod*, *parkoviště pro invalidy*, *invalidita 1. stupně* и т.д. термин *invalida* остается.

Профессиональная общественность дискутирует о том, не унижает ли термин *normální* тех, кто находится за пределами его определяющих рамок и что коннотирует понимание нормального: что-то желательное или нет. Интересен тот факт, что в чешском языке свободно и без угрызений совести пользуются термином *handicap, handicapování*, который в англосаксонском мире сегодня уже практически неприемлем. Русский язык термин *гандикап* заимствовал лишь в значении, связанном с миром спорта,¹ функциональным эквивалентом чешского термина *člověk s handicapem* или *handicapovaný člověk* нужно считать русский термин *человек с инвалидностью*.

На противоположном полюсе этической шкалы находятся лексические средства, выражающие негативное эмоционально-оценочное отношение к кому или к чему-либо, что находится за границей этической нормы. Объектом **языковой агрессии и социального унижения** чаще всего служат люди и явления, находящиеся на периферии общества, причем шкала ругательств быстро меняется, ср., напр.: *bezďák, somrák, smeták, socka; smažka* (пейоративное название наркопотребителя); *čigoš; подзаборник; лузер, утырок; нарк, наркоша* и т.д.

2.4 Язык как инструмент самоопределения

Отличительной чертой настоящего времени является также тот факт, что представители отдельных меньшинств действительно стали восприниматься не как пассивные объекты социальной работы, а как субъекты, которым была предоставлена возможность самим решать вопрос, какими названиями, ярлыками и кличками их как группу будут называть. Язык способен менять общественную позицию и общественный статус данных групп населения. Функция языка как символа личности тесно связана с вопросами этики в языке социальной работы. Именно в этой области чрезвычайно важно уважать самоидентификацию и уникальность каждого отдельного лица.

В настоящее время в коммуникативной среде социальной работы некорректными и неприемлемыми являются термины типа *слепой, глухой, инвалид; slepý, hluchý, invalida* (см. выше), в том числе и названия представителей этнического меньшинства – *síkán* (х этноним *Rom*). В русском языке термин *цыган* является нейтральным.

¹ **ГАНДИКАП**, -а; м. [англ. handicap] **1.** Спорт. Преимущество, предоставляемое более слабому участнику соревнования или игры для уравнивания шансов на успех; фора. *Состязание по водному поло с гандикапом. Турнир теннисистов с гандикапом.* **2.** Скачки, бега, в которых для участвующих лошадей разных возрастов и классов уравниваются шансы на успех. (БТСРЯ 2014).

Надо иметь в виду, что это чрезвычайно чувствительная область и, как это ни парадоксально, члены определенного сообщества могут чувствовать себя задетыми социально-этическими соображениями и отвергают обозначение политически корректными наименованиями. Они программно противятся политкорректному навешиванию ярлыков. Это касается не только лиц, отличающихся какими-то сенсорными, физическими или умственными недостатками, но и групп, характеризующихся иной сексуальной ориентацией: в этом контексте стоит вспомнить, например, борьбу за предпочтение слова *lesba* слову *lesbička* в 90-е годы прошлого века; некоторые члены активистских движений ошибочно считали слово *lesbička* уменьшительным.

Интересна также концепция движения геев и лесбиянок, которое изначально обозначалось аббревиатурой *GL*. Оно постепенно стало включать и другие родственные меньшинства, поэтому сегодня актуальна аббревиатура *LGBTIQ*, которая проникает в чешский и русский языки из-за границы (*LGBTIQ* = лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, интерсексуалы и квиры).

Необходимо уделять внимание также тому, какими названиями оперируют сами носители данной идентичности и как они воспринимают речь других. Например, люди с ограничением зрения в шутку сами себя называют довольно экспрессивными выражениями типа *slepoň/slepoňka, slepejš, postižeňoch* и т.д., коннотированными преимущественно положительно.

3. Избранные проблемы русско-чешской межъязыковой эквивалентности

Далее мы хотели бы обратить внимание на некоторые случаи асимметрии в русской и чешской терминологии социальной работы. Надо иметь в виду, что перевод – это не только конфронтация двух языковых систем, но также конфронтация двух культурных и общественных систем.

Мы не будем рассматривать полные семантические и формальные эквиваленты русских и чешских терминов. Нас интересуют лишь те случаи, когда перевод с одного языка на другой связан с определенным семантическим или формальным сдвигом.

Терминологическая асимметрия между русским и чешским языком может наблюдаться:

3.1 на денотативном уровне

Речь идет о терминах, отличающихся по форме, но вполне эквивалентных по своему содержанию. Здесь можно выделить две подгруппы:

3.1.1 для обозначения определенного явления в каждом из языков имеется свой собственный термин, своя лексема, не существующая в другом языке, напр.: СПИД – *AIDS*, социальная работа на улице (уличная социальная работа, мобильная работа, аутрич-работа) – *streetwork*; социальная работа в общине – *komunitní práce* и др.

3.1.2 в каждом из языков имеется свой собственный термин, причем формальный аналог существует и в другом из языков, но с другим значением, ср., напр., *handicap, senior*: *гандикап* в русском языке существует только как термин для области спорта (см. выше); термину *handicap* эквивалентен термин *инвалидность*. Функционально-семантическим эквивалентом термина *senior* является термин *пожилой человек*.

3.2 на коннотативном уровне

Эти отличия переводчику уловить намного труднее, чем предыдущие – это слова, которые в отношении денотации схожи, но они отличаются друг от друга в их коннотациях и ассоциациях. Речь идет о тех случаях, когда термины в русском и чешском языках вполне эквивалентны по форме, но отличаются друг от друга по некоторым семам, по своему содержанию. См., например, *дом на полдороги* – *dům na půl cesty*.

Дом на полдороги в российской среде – это название проекта по реабилитации бездомных людей с алкогольной и наркотической зависимостью, реализуемый Санкт-Петербургской благотворительной организацией «Ночлежка». *Dům na půl cesty* в чешской среде помогает молодым людям без семьи, которые провели часть своей жизни в учреждении институциональной опеки, или в учреждении опеки для детей и молодежи, или вернулись после отбывания тюремного заключения и которые сами не в силах самостоятельно интегрироваться в общество.

3.3 Асимметрия в содержании терминов подкреплена также асимметрией в области формы, внешний вид русского и чешского термина совпадает только отчасти – термины отличаются друг от друга своим денотационным объемом. Одна культура может воспринимать определенный аспект одного и того же явления более чувствительно, решению данной проблемы она уделяет большее внимание, что отражает и язык. Например, *probační a mediační služba* – *служба пробацции, пробацион-*

ная служба – в России осуществляется лишь надзор над подопечным, медиация отсутствует.²

3.4 Специфический тип асимметрии на денотативном уровне представляют собой те случаи формальной асимметрии, в основе которой лежит **семантическая лакуна**. Причины нужно искать во внелингвистической действительности – в обществе исходного языка обозначаемое явление существует, между тем как в реальной жизни носителей языка перевода данное явление не существует. В чешско-русском сопоставительном плане примером семантической лакуны могут служить такие термины, как *respitní péče, komunitní plánování, pastorační asistent; детская комната полиции* и т.д.

Терминологически более «оснащенным» является чешский язык. Но терминологическая недостаточность русского языка быстро уходит в прошлое, терминологические лакуны заполняются, ножницы закрываются. Отсутствовавшие еще недавно термины находят в русском языке свое место, хотя пока лишь в специальных текстах и в профессиональной среде: *комьюнити, низкопороговые центры, беби-боксы* и др.

3.5 Случаи частичной эквивалентности, обусловленные явлением т.н. **недифференцированности** значения слова в одном языке по сравнению с другим. Например, русским терминам *служба, услуга* в чешском языке соответствует лишь один термин – *služba*; аналогично: *забота, опека, уход – péče; опека, попечительство – poručnictví* (опека устанавливается над детьми, не достигшими четырнадцати лет, попечительство устанавливается над детьми в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет) и др.

4. Динамика семантических сдвигов в терминологии социальной работы

Важную роль в восприятии терминов социальной области играет происхождение термина – исконный он или заимствованный. Различия в происхождении могут стать причиной сдвигов в интерпретации данного термина в исходном языке и в языке перевода. Уже само сочетание *социальная работа – sociální práce* в русском и чешском языке воспринимается как иностранное и обладает большим потенциалом действовать как профессиональный термин, по сравнению с исконными синонимами *общественная работа, работа в пользу общества; společenská práce, práce pro společnost* (хотя связь с обществом пред-

² Российские активисты уже долгое время требуют реформы службы пробации в смысле включения в нее услуг медиации.

ставляет семантическое ядро данных выражений). Аналогично можно рассматривать позицию термина *respitní péče*, который в чешской среде все еще более-менее связан со средой специалистов (для лучшего понимания общественностью иногда используются термины *odlehčovací péče* или *úlevová péče*). В языке-источнике сочетания *social work* и *respite care* воспринимаются как исконные, общепонятные слова, причем тонкие семантические различия между ними и их чешскими/русскими кальками неизбежны [подробнее см. Královec 2018: 36, 39].

В принципе можно сказать, что атрибут *sociální* в чешском языке на коннотативном уровне амбивалентен: с одной стороны, он вызывает нейтральные или даже позитивные ассоциации (*ministerstvo sociálních věcí, sociální cítění*), с другой стороны, он может восприниматься совершенно негативно, если он связан с некой социальной проблемой, низким социальным статусом или с какой-нибудь проблемной социальной группой: *sociální bydlení, sociální pohřeb*; дериваты *sociálka* (органы опеки), *socka* (бедный человек или также пренебрежительно общественный транспорт) и др. В русском языке негативные коннотации слова *социальный* не чувствуются.

Наименования, в частности, некоторых целевых групп социальной работы явно отражают отношения между социальными работниками и людьми, на которых направлены их профессиональные устремления.

Термины *пациент, питомец; pacient, chovanec* и т.п. в обоих языках вышли из употребления и в настоящее время их роль взял на себя термин *клиент (социальной службы) – klient (sociální služby)*. Но в последние годы мы все чаще встречаемся с альтернативным термином *получатель социальных услуг (uživatel sociálních služeb – см. англ. service user)*. В качестве причины замены данным термином приводится якобы создание представления о пассивном и зависимом отношении, опасение, чтобы данное лицо слишком не привязывалось к социальному работнику в значении клиентов в Древнем Риме (в Древнем Риме словом *клиент* первоначально обозначали свободного гражданина, охраняемого своим покровителем-патроном и полностью зависимого от него) [Matoušek 2016: 83]. Самым современным трендом Международной Федерации социальных работников (IFSW – International Federation of Social Workers) является обозначение получателей социальных услуг *людьми, с которыми социальные работники работают (people, with whom they work)*, или просто *людьми*. Изменение терминологии показывает предпочтение партисипативного подхода (*работать с...*) по сравнению с экспертным подходом (*предоставлять услуги для...*) [Mátel 2019: 10].

Й. Краловец приводит интересную мысль о том, что развитие терминологической системы заметно главным образом в тех случаях, в которых целевая группа является интеллектуальным партнером профессионалов, она способна определенным образом организовываться и выражать свои мнения и интересы. И, напротив, нет существенных изменений у таких категорий, как, например, бездомные/лица без определенного места жительства или лица, зависимые от наркотических веществ. Потенциальные изменения носят лишь формальный характер: меняется или общая перспектива наименования (*бездомные – люди без крыши над головой, bezdomovci – lidé bez domova*), или изменения носят более-менее технический характер – в чешском языке категория *závislí na návykových látkách* объединяет алкоголиков и наркоманов и снижает таким образом негативные коннотации, которые связаны с терминами *алкоголик* и *наркоман*. Практическим следствием такой реноминации является тот факт, что предоставляемые этим группам населения услуги становятся более приемлемыми для общественности [см. Královec 2018: 41].

Заключение

Общественно-политические изменения и изменения атмосферы в обществе последних десятилетий находят свое отражение, между прочим, и в терминологии социальной работы. Для переводчика это значит, что он должен учитывать потенциальную опасность того, что различия во внелингвистической реальности российского и чешского культурного пространства будут причиной переводческих сдвигов на семасиологическом и ономасиологическом уровне при переводе специальной терминологии.

В настоящей статье мы хотели показать, что язык – это креативный инструмент, а не пассивное средство наименования. Именно в области социальной работы прагматический потенциал языка весьма силен, язык способен формировать мышление и поведение своих пользователей.

Мы хотели обратить внимание также на некоторые языковые отклонения или потенциальные проблемы коммуникации в чешско-русском межъязыковом пространстве в области социальной работы. На материале конкретных русско-чешских эквивалентов, охватывающих семантическое поле «социальная работа», мы попытались проиллюстрировать, с одной стороны, некоторые функции языка в исследуемой области, с другой стороны, обратить внимание на некоторую межъязыковую асимметрию в терминологическом аппарате данной области

в русском и чешском языках. При профессиональном переводе терминологии с одного языка на другой могут возникнуть две основные ситуации, каждая из которых может способствовать особому виду непонимания. Первая ситуация – это такое состояние, когда переводимый термин существует в обоих языках – языке-источнике и языке перевода, но термины не совпадают по своему содержанию. Вторая ситуация – это состояние, когда термин существует лишь в языке-источнике, в то время как язык перевода соответствующего эквивалента не имеет. В связи с этим важно думать и о том, что является причиной отсутствия такого эквивалента и исходя из этого находить подходящее переводческое решение.

В прагматическом плане обращение внимания на вышеприведенные проблемы может способствовать повышению языковой восприимчивости общественности и самих социальных работников, что поможет лучшей и более правильной критической интерпретации проблем социальной работы.³

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БТСРЯ (2014): *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт.
- БУДАННИКОВ, А. В. (2019): К истории слова божж. *Русская речь*, № 1, с. 18–36 (28. 10. 2021), <https://russkayarech.ru/ru/archive/2019-1/18-36>
- РЭСР (2016): *Российская энциклопедия социальной работы*. Под редакцией Е. И. Холостовой. Москва: «Дашков и К°».
- ФЕДОТОВА, И. Э. (2008): Язык как инструмент социальной власти. In: В. Н. Шимов и др. (eds.): *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. Минск: БГЭУ, с. 402–407.
- ČERMÁK, F. (1997): *Jazyk a jazykověda*. Praha: Pražská imaginace.
- FLUSSER, V. (2005): *Jazyk a skutečnost*. Praha: Triáda.
- KOVAŘÍKOVÁ, P.: *Nevidomí a jazyk*. Dostupné z: <https://www.rozhledna.info/clanky-a-texty/nevidomi-a-jazyk/> [cit. 2021-10-28].
- KRÁLOVEC, J. (2018): *Vývoj terminologie v oblasti sociální práce – převod anglických termínů do českého jazykového prostředí a jejich vliv na podobu odborné praxe*. Absolventská práce. CARITAS – Vyšší odborná škola sociální Olomouc.
- MÁTEL, A. (2019): *Teorie sociální práce I. Sociální práce jako profese, akademická disciplína a vědní obor*. Praha: Grada.
- MATOUŠEK, O. (2016): *Slovník sociální práce*. Praha: Portál.
- MICHÁLEK, M.: *Nevidomí mezi námi*. Dostupné z: http://okamzik.cz/nmn/Texty/Komunikace/Jste_nevidomy_nebo_slepy.html [cit. 2021-10-28].

³ Příspěvek vznikl za podpory MŠMT ČR udělené UP v Olomouci (IGA_FF_2021_009).

ПРОФИЛЬ АВТОРА:

doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

доцент Кафедры славистики Университета им. Палацкого, г. Оломоуц

Сфера научных интересов: лингвистика текста, теория художественного перевода, современный русский язык, сравнительная славистика

Katedra slavistiky Filozofické fakulty

Univerzity Palackého

Křížkovského 10

77180 Olomouc

<https://www.ff.upol.cz/ksl/>

zdenka.vychodilova@upol.cz